

Едва ребята успели немного освоиться в средней школе, как подоспели первые настоящие каникулы — День образования КНР, праздновавшийся первого октября.

На эти праздники обязательно нужно было съездить домой. Однако перед самым отъездом старосте и активистам поручили организовать выпуск праздничной стенгазеты — её рисовали мелом прямо на большой доске в глубине кабинета. Раньше ни Гоуданю, ни Ван Сюаню с этим сталкиваться не приходилось: в начальной школе за всю писанину и рисунки отвечали учителя. Но теперь они перешли в среднюю школу, и подобные заботы целиком легли на плечи учеников.

В любые времена для формализма всегда находилась благодатная почва. Изначально планировалось просто подготовить аккуратный выпуск, посвященный великому празднику, но руководству школы вдруг пришла в голову мысль устроить соревнование между классами. Чуть позже классный руководитель обмолвился, что ожидается визит проверяющих из уездного начальства.

И всё завертелось. Искреннее проявление патриотизма мигом превратилось в изнурительную гонку за победой. Чтобы занять первое место, требовалось соблюсти строгие стандарты: оценивали и почерк, и рисунки, и само содержание. А ради пущей «искренности» с учеников начали собирать деньги. На что? На покупку цветных мелков, аппликаций и прочих украшений.

Ребят заездили до полусмерти. В воздухе повисла негласная угроза: мол, другие классы уже всё купили и потратились по-крупному, а если вы поскупитесь, значит, относитесь к делу спустя рукава и родину любите недостаточно! Обвинение нешуточное. К тому же призовых мест обещали всего пять, а значит, старания большинства классов пропадут даром.

Из-за этого желание победить только росло — ведь никому не хотелось, чтобы их усилия и деньги вылетели в трубу. Соответственно, и тратиться приходилось ещё больше. Получился замкнутый круг.

Гоудань уже готов был плюнуть на всё и умыть руки, но в этот раз в соперничество включились классные руководители, стараясь перещеголять друг друга во всём.

Уже в третий раз учитель браковал их работу, требуя переделать всё заново, поскольку у параллельного класса выходило «красивее». В конце концов Гоудань не выдержал и вспылил:

— Разве патриотизм измеряется тем, сколько денег мы ухнули в эту несчастную доску? Из-за этих бесконечных поборов половина ребят в классе теперь не могут позволить себе даже самую дешёвую капусту в столовой! Почему нельзя было оформить всё как обычно? Любовь к родине доказывается делами, а не этой показухой. Учитель, посмотрите сами: мы перерисовываем стенгазету раз за разом, а вам всё не нравится. Вы говорите, что у других лучше. Неужели наши чувства недостаточно искренни? Или нам теперь вообще из школы не

уходить и домой на каникулы не ехать? Мы ведь оформляем не только доску в классе, но и уличный стенд, который закрепили за нами на школьном дворе. Объясните конкретно, что именно вас не устраивает? Ладно, я переделаю всё ещё один раз. Только один! Если и теперь не понравится — умываю руки, пусть занимается кто хочет.

— Одноклассник Ли Кай, речь идёт о чести нашего класса, — строго возразил учитель. — Что плохого в том, чтобы немного проявить упорство и потрудиться? Мы ведь стремимся занять первое место. Неужели ты сам этого не хочешь?

— У тебя с головой вообще всё ладно? — Гоудань резко повернулся к У Лэю, который попытался было вставить своё веское слово. — Или ты слов моих не расслышал? Даже не думай перекладывать на меня вину, я этот чужой долг на себя вешать не стану! Я же ясно сказал: любить родину можно по-разному. А если ты, именно ты, разукрасишь стенгазету пышными бумажными цветами, это ещё не докажет, что ты пламенный патриот. Из всех нас ты больше всех лодыря гонял! Только и горазд пальцем указывать да распоряжаться. Ты, что ли, здесь староста, а не я? Люди не слепые, всё видят, так что нечего перед учителем выслуживаться за чужой счёт!

К тому же вся эта возня за первое место не стоила и выеденного яйца: победителю полагалась копеечная грамота на имя класса, пара тетрадей да две авторучки. И кому их отдавать? Рисовали стенгазету активисты и пара ребят с хорошим почерком, а сбрасывался весь класс. Кому бы ни достались эти призы, всё равно выйдет несправедливо. Но даже это было полбеды. Главное — непомерно раздутый классный фонд. В те годы лишних денег ни у кого не водилось, каждая копейка была на счету.

— Ну ладно, ладно, ребята, не спорьте, — поспешил вмешаться классный руководитель, прерывая назревающую ссору. — Я ведь всё вижу. Эти две недели выдались по-настоящему тяжёлыми, кое-кто из вас даже обеды пропускал из-за работы. Но ведь всё это, как верно заметил одноклассник У Лэй, делается ради чести нашего коллектива.

У Лэй, услышав похвалу от учителя, так и задрал подбородок, победоносно зыркнув на Гоуданя, точно лично совершил великий подвиг.

Гоудань лишь презрительно фыркнул, не желая связываться с подхалимом. Классный руководитель тем временем продолжил:

— Замечания, которые высказал одноклассник Ли Кай, весьма разумны, и я тоже приму их во внимание. Для большинства семей эти взносы и впрямь стали слишком тяжёлой ношей. Давайте поступим так: внесём последние поправки, и будь что будет — больше переделывать не станем. Сбирать деньги на нужды класса тоже прекращаем. Оформим стенд тем, что осталось из материалов. А уж как их применить — решите сообща. Договорились?

Класс дружно и с облегчением закивал. Стенгазета в глубине кабинета — вещь бесполезная: на неё обращали внимание разве что от скуки на переменах, а в обычные дни никто и не смотрел в ту сторону. Если бы школьное руководство не затеяло эту проверку, никто и пальцем

бы не пошевелил.

Поборы и бесконечная беготня за материалами изрядно раздражали учеников, но перечить учителям никто не решался. Все только молча восхищались смелостью старосты, который не побоялся высказать всё в глаза классному руководителю. Удивительно, но учитель даже не стал ругать Ли Кая, что приятно поразило ребят.

Накануне праздников, едва прозвенел звонок с последнего урока, школа загудела как потревоженный улей. Ученики толпой повалили из классов. Забежав в общежитие за собранными ещё с вечера вещами, они со всех ног бросились к автовокзалу, надеясь успеть на последний автобус до своих деревень.

В комнате соседи по общежитию, видя, как неторопливо копается Гоудань, принялись его подгонять:

— Ли Кай, ты чего возишься? Опоздаешь же на автобус!

— Вы идите, не ждите нас, — спокойно отозвался Гоудань. — Сейчас на вокзале будет не протолкнуться: вся школа разъезжается. В нашу сторону автобусы всегда забиты до отказа, мы просто не влезем. Мы решили заночевать здесь, а уехать завтра утром.

— Вот оно что... Опять тут ночевать? Ну нет, я бы так не смог, — покачал головой один из мальчишек. — Домой хочу — сил нет.

— Мне в этом плане проще, — весело вставил другой, закидывая за плечи туго набитый мешок. — Наша деревня недалеко от уезда. Даже если не уеду на автобусе, ничего страшного. Со мной идёт несколько ребят из старших классов, пешком доберёмся. Ладно, я побежал!

Один за другим ребята покидали комнату. Каким бы долгим и трудным ни был путь, никто не хотел откладывать поездку на завтра — всех манил родной дом. Вскоре в опустевшем общежитии остались только Гоудань, Ван Сюань, а также Цичжи и Дафу, которые во всём привыкли полагаться на старосту.

Все они были выходцами из одной деревни, Сикань, и дружили с самого детства. Они ещё свежо помнили, как вместе пробивались сквозь толпу при поступлении в школу, поэтому, когда Гоудань предложил переждать суматоху и уехать утром, Цичжи и Дафу без колебаний согласились остаться.

— Чэнь Цинцзюань тоже уехала, — негромко заметил Дафу. — Я спрашивал её перед уходом, она наотрез отказалась ждать до утра. Сказала, поедет вместе со своей соседкой по парте — та из соседней с нами деревни, так что по дороге им будет не скучно.

— Ну и пусть себе едет, — махнул рукой Цичжи. — Она всё-таки девчонка, ей с нами не по пути. К тому же она уже два или три раза сама домой добиралась, дорогу знает наизусть, так чего бояться?

Ребята согласились с его доводами. К тому же в женском общежитии уже никого не осталось — останься Чэнь Цинцзюань здесь, она бы со страху с ума сошла одна в пустой комнате. Раз уж она освоилась с дорогой, её отец не станет упрекать ребят в том, что они не присмотрели за односельчанкой.

— Слушайте, а ужинать-то мы чем будем? — уныло спросил Дафу, потирая живот. — Нам что, до самого завтрашнего утра на пустой желудок сидеть? Я же ночью от голода глаз не сомкну.

Ван Сюань весело подмигнул другу:

— Да ладно тебе раскисать. Глядите, что у нас есть!

С этими словами он полез под кровать Чжан Сяомина и с кряхтением вытащил оттуда увесистый холщовый мешок. Гоудань с невозмутимым видом продолжал что-то писать в тетради, лишь на мгновение покосившись в их сторону, а затем снова уткнулся в бумагу. Зато Дафу и Цичжи так и вытянули шеи от любопытства. Ван Сюань не стал томить их ожиданием и с гордостью распахнул мешок:

— Та-да-ам! Мы с братом Гоуданем раздобыли по случаю. Ну-ка, угадайте, что это?

— Это ещё что за чугунный уродец? — опешил Дафу, разглядывая бесформенную, грубо сработанную металлическую штукловину.

— Настоящая железная печурка! — торжествующе объявил Ван Сюань.

Он так и сиял от гордости, и для этого у него были все основания. С такой вещью Гоудань больше не будет жаловаться, что не наедается в школьной столовой и из-за этого плохо спит. Теперь они всегда смогут сообразить себе горячую похлёбку.

— Где вы её откопали? — изумился Цичжи.

Ребята прекрасно знали, как трудно сейчас достать любую металлическую вещь. Железо в стране было в дефиците. Чтобы купить домой обычный чугунок или сковороду, требовались специальные промышленные талоны, да и само сырьё считалось государственной собственностью, так что раздобыть даже небольшой кусок лома было делом непростым.

— На барахолке выменяли, — уклончиво ответил Ван Сюань.

На самом деле всё было гораздо сложнее. Им пришлось провернуть хитрый обмен, задействовав кое-какие запасы, чтобы выволить этот невзрачный кусок металла. По какой-то причине прежние хозяева забросили печурку, и она долгие годы сиротливо пылилась в углу.

Видимо, покрытый ржавчиной уродец ни у кого не вызывал интереса, и люди не хотели тратить на него деньги. Забрав печь, Гоудань и Ван Сюань тайком от посторонних глаз тщательно её отдраили. Оказалось, что неказистый с виду прибор сделан на совесть — такая вещь прослужит не один десяток лет и не прогорит. Ржавчина была лишь поверхностной и ничуть не повредила сам металл.

Гоудань, который уже не первый год увлечённо изучал свойства различных металлов, сразу вынес вердикт: железо первоклассное. Если судить по качествуковки, они заключили чертовски выгодную сделку. Стоило легонько щёлкнуть ногтем по корпусу печи, как раздавался чистый, долгий, поющий звон — верный знак того, что её отлили из превосходной очищенной стали.

— Ума не приложу, какому умельцу приспичило известистоль благородный металл на такую неказистую поделку. Невероятное расточительство, — ворчал тогда Гоудань.

Но Ван Сюань только радовался покупке. Пусть по функционалу печка ничем не отличалась от обычного деревенского очага, раз уж старший брат назвал её ценной вещью, значит, металл действительно редкий, а это грело душу.

Видя, с каким трудом Ван Сюань тащит мешок, Дафу поспешил на помощь. Подхватив ношу, он удивлённо охнул:

— Ну и силища в ней! С виду ведь совсем небольшая, а весит как чугунный мост!

Дафу был парнем крепким, привыкшим к тяжёлому крестьянскому труду в поле, но тяжесть этого скромного прибора его по-настоящему поразила.

— Да ладно тебе, не придумывай. Тоже мне, неженка... — хмыкнул было Цичжи, но, попытавшись приподнять мешок, сам вытаращил глаза от изумления: — Ого! И правда неподъёмная!

— То-то и оно, — усмехнулся Ван Сюань. — Настоящий литой металл, а вы как думали?

Ребята недоумённо переглянулись и почесали затылки. Всё-таки для своего скромного размера печка весила как-то противоестественно много.

Гоудань, не отрываясь от тетради, негромко бросил:

— С каких это пор железо стало лёгким?

— Твоя правда, — согласились друзья.

— Но мы же не сможем прямо сейчас на ней что-то приготовить? — спохватился Дафу. — У нас ведь ни дров нет, ни котелка, ни соли с маслом. Где мы всё это возьмём?

— На этот раз мы припасли всё необходимое, как раз на один сытный ужин хватит, — успокоил его Ван Сюань. — А когда вернётесь с каникул, не забудьте прихватить из дома связку сухих щепок и немного соли.

Железная печка была устроена просто. Высотой она едва доходила до колен и прочно стояла на трёх массивных ножках. Округлое, пузатое основание сужалось кверху, переходя в узкое горлышко, на которое идеально вставал котелок. Посередине располагалась дверца для дров или угля.

На первый взгляд — самая обычная, грубая и даже невзрачная конфорка. От этого становилось лишь любопытнее: какому мастеру пришло в голову тратить редчайшую высококачественную сталь на столь прозаичную вещь? Ван Сюань хорошо помнил слова Гоуданя: среди всего обычного железа, что ему доводилось держать в руках, металл этой печурки был безупречным.

Разумеется, сокровища из Пространственного кармана, оставленные покойным Безымянным настоятелем храма, не шли ни в какое сравнение. Там хранилось немало диковинных вещей: даже простая карманная сабля или крошечный кинжал весили непомерно много и без труда рассекали волос на лету. Качество того оружия было запредельным, а секреты егоковки давно канули в лету.

Ребята быстро выбросили лишние мысли из головы. Тяжёлое железо — ну и пусть себе, металлу положено быть весомым. Какая разница, из чего сделана эта печь, если на ней прямо сейчас можно сварить ужин? А есть им хотелось нестерпимо.

В огромном школьном общежитии воцарилась гулкая, сонная тишина. Останься здесь кто-нибудь один — точно завыл бы от тоски или испугался. Но ребята собрались весёлой гурьбой у печки, и в комнате сделалось на редкость шумно и уютно. Ван Сюань ещё днём предусмотрительно накопил побольше кукурузных пампушек-вовотоу. Теперь они варили густую кашу из грубого риса, щедро засыпав туда сушёную зелень, щепотку соли и мелко нарезанное вяленое мясо. Душистый пар так и валил из котелка. Сделаешь глоток обжигающего варева, откусишь пышную пампушку, захрустишь острой квашеной капустой из глиняной банки — настоящая благодать!

Все четверо сейчас бурно росли, и аппетит у них был поистине волчий — сметали со стола всё, что не прибито. В такой дружной компании, где каждый норовил выловить из общего котелка кусок повкуснее, простая еда казалась в сто крат аппетитнее ресторанных разносолов.

Когда котелок опустел до последнего зёрнышка, Дафу и Цичжи блаженно откинулись назад, потирая сытые животы. Гоудань легонько подтолкнул их носком ботинка:

— А ну-ка подъём, лежебоки. Идите мыть посуду, да и котелок отдраить не забудьте.

— Ну почему сразу мы? — шутливо заворчал Дафу.

— Ван Сюань вам ужин приготовил, а вы только ложками махали. Кому же ещё посуду мыть? — резонно возразил Гоудань.

— Ладно, ладно, помоем, — ухмыльнулся Цичжи.

Особого протеста они не испытывали и прибрались бы в любом случае — просто по привычке зубоскалили и препирались со старостой. Так повелось ещё с малых лет в родной деревне, и здесь, в уезде, ничего не изменилось. Пожив с Гоуданем под одной крышей, они поняли, что за своих он стоит горой. С таким покровителем никто в школе не смел их обижать. Даже местные хулиганы из старших классов, любившие отбирать у новичков домашние припасы, обходили их комнату стороной.

Это скрепляло их дружбу лучше любых клятв. Ребята послушно сполоснули чашки и пристроили их на верхнюю полку старого деревянного стеллажа. Две самые верхние полки по общему уговору были отведены под посуду, баночки с соленьями и личные вещи Гоуданя и Ван Сюаня, а на самом верху стояли их сундучки с одеждой. В комнате царил строгий порядок: остальные соседи могли распоряжаться нижними ярусами как им вздумается, но занимать чужие места никто не смел.

Насухо вытерев котелок, они выгребли из остывшей печурки золу и аккуратно накрыли её старой мешковиной. Затем, натужно кряхтя, вдвоём затолкали увесистую железку глубоко под кровать, пока она полностью не скрылась из виду.

— Слушай, Ван Сюань, а ты ведь тоже не из слабых, — переводя дух, заметил Дафу. — Мы вдвоём еле-еле эту дуру запихали, а ты её в одиночку из-под кровати вытащил и глазом не моргнул.

— Мы с братом Гоуданем с малых лет по горам бегаем да в реках рыбу ловим, — улыбнулся Ван Сюань. — Хотя я с виду и худой, но жилы у меня крепкие.

Дафу лишь хмыкнул про себя. Можно подумать, они сами в Сикани на печи сидели! Все ведь в одной банде росли, одни и те же кручи топтали. Но спорить не стал. Ван Сюань действительно казался хрупким и изящным на их фоне, и никто не ожидал от него такой недюжинной физической силы. Про нечеловеческую мощь Гоуданя они, конечно, знали давно, а вот его названный брат сумел удивить.

Ван Сюань спорить не стал, молча запрыгнул на свой верхний ярус и раскрыл учебник. Что он мог им сказать? Что даже его ленивые, через пень-колоду тренировки по системе настоятеля делают его на голову сильнее любого обычного человека, пусть он и не стоит одного мизинца Гоуданя? Пришлось отмолчаться.

К счастью, Дафу и Цичжи были парнями простыми и не склонными к лишним подозрениям. Видя, что старшие товарищи взялись за учёбу, они уселись на нижних койках и с увлечением принялись разглядывать взятые почитать книжки-картинки.

<http://bllate.org/book/19654/1996739>